

Шарая О.
(Беларусь)

ПОЧИТАНИЕ ПРЕДКОВ В АРХАИЧЕСКОЙ ОБРЯДНОСТИ СЛАВЯН (НА ПРИМЕРЕ ПИНСКОГО ПОЛЕСЬЯ)

Исторически, в силу ряда этнокультурных признаков, Пинское Полесье выделяется как самобытный регион в рамках Западного Полесья. Особенность Пинского Полесья проявляется в своеобразном сочетании дней, связанных с почитанием предков, хронологически соотносящихся с Троицей и троицкой неделей. Рассмотрим троицкий цикл на Пинщине более подробно.

Накануне Троицы отмечались деды (*труйчаны дэды, трийцовые дэды, троецкые дэды*, Липники Пинского р-на, Осовница, Буса Ивановского р-на Брестской обл.). Как отмечают информанты, «Троецкые дэды, пятныща увэчэры, а рано субота. Вэчэром куттю мы ставымо, а рано у суботу тожэ. Это троецкые дэды» (Липники Пинского р-на). Символом единства между живыми и предками является хлеб, от которого умершие получают свою долю в виде горячего пара: «... И роблю дэды кожны год. И николы робылы, николы хлибэц шчы дажэ свижэнькы спэчэш и розложыш, коб пара пошла з свижэнького хлибца, то кажуть мэртвых душэчки прыходять на гэтую пару, шо з хлибца идэ» (Липники Пинского р-на). В некоторых населённых пунктах Пинского Полесья троицкие деды связаны с всеобщим поминанием: «... у суботу усих помынальная. Гэто Трийца такая, шо усякы, хто яка кому смэрць нэ була, то субота помынальная» (Дольск Любешовского р-на Волынской обл.). Для обозначения всей троицкой недели наряду с названием *сухы тыж-*

дэнь, встречается хрононим *дэдовы тыж-дэнь* (Липники Пинского р-на).

Необходимо отметить, что в воскресенье (день Троицы) в южной части Пинского Полесья проводится обряд *Куст*: «У нэдилю, первы дэнь Труйцы, бэруть лэпых, идуть кажон на свойи могылы по покойниках сэдьют и стэлють лэпых, ... старыйшые идуть на кладбишча, а молодые пошлы Куста убывраты. Зранку идуть на моглыцы, а Куста ужэ у обид, у дэнь водять, до самого вэчора ходять. А у чэтвэр Навска Трийца, то ужэ тогди идуть кажон до своих идэ на клабишча» (Бродница Заречненского р-на Ровенской обл.).

Обряд *Куст* охватывает временной континуум первого дня Троицы или второго (понедельник). В сознании информантов Пинского Полесья, как показали данные нашего исследования, ощущается абсолютизация времени и строгая временная приуроченность в связи со словом *куст*: «слово куста од вику говорать, кулькы я знаю куста – гэто оно на Труйцу» (Жабчицы Пинского р-на). И сама Троица в Пинском Полесье часто идентифицируется с обрядом и лексемой *куст*: «Труйца то усэ Куста. Чого гэто Куста...» (Ставок Пинского р-на).

Наше исследование показало, что в данном регионе для обозначения *куст* «растение» используется другая лексема – *корч, корчы*: «У нас нэхто нэ кажэ куст, а вси кажуть корчы. Куст – гэто

© Шарая О., 1999.

уже по-культурному, а по-старому – корч. У нас корчы да и усё. Пошла уже нидэ, кажэ, у корчы, забыласа» (Добро-славка Пинского р-на); «И корч казалы смородины и куст, як хто, куст уже культурно, а по-дерэвенскы – корч. Мойи маты и батько николы казалы куст? Воны и гэтого слова нэ знали» (Радчицк Столинского р-на). Это касается и зареченской части Пинского Полесья: «У нас усэ корчы. Ходы, я нашла смородины корч» (Иванчицы Зареченского р-на).

Таким образом, в Пинском Полесье, а также в более широких границах Западного Полесья для обозначения «куст, кусты» используется лексема *корч, корчы*. Куст в обряде – это не растение.

Проведённые нами по специально разработанной программе полевые исследования (с 1988 по 1998 гг.) позволили очертить ареал обряда, который сохранился сегодня в живом бытовании, в основном, на территории Беларуси. Южная часть ареала обряда Куст охватывает север Зареченского, Дубровицкого р-нов Ровенской обл., Любешовского р-на Вольнской обл. Украины. Это объясняется историческими фактами. В прошлом ареал обряда Куст находился в рамках единого государственного образования (Турово-Пинского княжества), затем единых административно-территориальных образований (например, в ВКЛ, Речи Посполитой).

Несмотря на то, что первые этнографические описания обряда Куст относятся ещё к 19 веку, но отсутствие системно-собранного материала, неочерченность ареала были серьёзным препятствием для изучения обряда. Наиболее продвинутыми оказались исследования, связанные с кустовыми песнями. Однако, изучение только песенного материала недостаточно для определения функциональной природы обряда, поэтому единства исследователей относительно функциональной природы обряда до по-

следнего времени не было. Позиции современных исследователей существенно расходятся. Исследователи кустовых песен, выделяя как определяющую аграрно-магическую функцию обряда, отмечают его связь с культом растительности и культом предков¹. Ещё В.Я.Пропп отмечал, что «между культом покойников и культом растений имеется смысловая и генетическая связь»². Другие исследователи видят в этом обряде магические действия, направленные на вызывание дождя, по аналогии с южнославянской Додолой³. В середине 90-х годов можно встретить и такой авторский подход, который включает все перечисленные выше позиции⁴.

Полученные нами эмпирические данные не подтвердили гипотезу о связи обряда с вызыванием дождя. В рамках всего ареала носители традиции отрицают связь обряда Куст с вызыванием дождя: «Такого нэ було. Гэто нэзаконно облываты Куста. Гэто ж ёго водять сухэнького, убранэнькы вун, вун жэ на сэбэ одэжу чыстэньку, да яер хорошы, да клён» (Осовница Ивановского р-на); «Не. Нэхто нычого нэ облывав», «Нэгдэ у нас такого нэ було», «Не. Такого нэ було», «Нэхто нэ облывав», «У нас гэтого нэ було», «Нэ було ньколы» (Ставок, Посеничи, Новоселье, Ченчицы Пинского р-на; Буса; Застружье Ивановского р-на).

На юге ареала носители традиции также категорически отрицают, что касается обливания Куста водой: «Нэ було такого. Не, нэ було» (Дольск Любешовского р-на), «Не, не, нэ, облывалы. Шчо не, то не. Нэ було такого обычаю» (Бродница Зареченского р-на), «Не, нэ було! Нэ облывалы Куста водою» (Серники Зареченского р-на), «Не, не. У нас такого нэ було» (Иванчицы Зареченского р-на), «Не. Нэ було» (Заречье Зареченского р-на).

При этом для информантов не вызывает затруднений идентификация тех

конкретных действий, направленных на вызывание дождя, которые хорошо описаны в научной литературе.

Что касается мотивировок, ответов на вопросы, для чего был Куст («водылы Куста», «ходылы у Куста»), то типичными ответами являются следующие: «Таковы й обычай був. Спокон веков оно такэе. Шчэ й нашы й деды и прадеды робылы и бабы нашы»; «Повэдэncia така була. Так завьдэно було. Шчэ нашы батькы, матюры, это воно як почавса вик, таку воны узьлы прычыну, так у нас було. Гэ-то у нас спрэдка вика воно йшло. А топир у нас ужэ такы закон»; «Воно було всегда»; «Куст – гэто для добра».

Проведённые нами исследования позволяют прийти к выводу, что по своей функциональной природе обряд выражает идею культа рода⁵. Это один из немногих архаических обрядов, сохранившихся до нашего времени, в котором культ рода отражён наиболее полно.

В обрядовой церемонии Куст (наряженная в зелень женщина) занимает центральное место. Постоянная группа женщин образует сопровождение Куста, исполняет кустовые песни, обращается к хозяевам от имени Куста, принимает дары предназначенные ему. Главный персонаж полностью покрыт зелёными ветками («Куст закрыты, нэчого нэ выдно», «увэсь у зэлёному, коб нэ выдно було», Буса, Красиевка Ивановского р-на). Куст всегда молчалив. Как отмечают информанты, главный персонаж «нэ спывав. Тольки вин оно ходыть мовчком», (Бродница, Заречненского р-на), кроме того, Куст с его свитой не входил в дом: «У хату нэ заходыв. Пуд двэра. Пospэвають, да и йдуть», (Серники Заречненского р-на). Аналогичные ответы получены и от других информантов.

Для семантики обряда характерным является мотив «гостевания Куста у батьки», зафиксированный нами на юге, северо-востоке и севере ареала:

Ой, мы булы у вэлыкому лисы,
Нарадылы Куста из зэлёного клёну,
Нарадылы Куста из зэлёного клёну,
Выйды, господарэ, из нового покою.
Выйды, господарэ, из нового покою,
Вынэсь Кусту хоч по золотому.

А у нашого Куста да
ножки нэвэлычкы,
Трэба ёму, трэба,
панчошкы-чэрэвычкы.
Нашый Куст пойидэ до батэнька
у госты,
Трэба ёму, трэба, чэрэвычкы
на помосты.

Таким образом, данные характеристики свидетельствует о принадлежности Куста к потустороннему миру. Главный персонаж, наряженный в зелень, выступает в роли символического образа, который в контексте обрядовых действий является посредником между ныне живущими и ушедшими членами рода. О природе обряда мы можем судить только с системных позиций: учитывая обрядовую терминологию, весь комплекс акционального, вербального компонента, локативных, темпоральных данных, мотивировок и т. д.

С почитанием предков на Пинском Полесье связан четверг троицкой недели, который носил название *Навска Трыйца, Намська Трыйца, Навска Труйца, Трыйца мэртвых*. В этот день, как и в четверг после Пасхи (*Навскы Вэлыкдэнь*), посещают кладбище. Однако хрононим *Навска Труйца* встречается чаще, чем сам обычай посещения кладбища в этот день: «Е Навска Труйца у чэтвэр, але нэхто на кладбишча нэ ходыв» (Рудня Ивацевичского р-на), «Намська Трыйца, гэто о чэтвэр, шо був учора, на моглыца мало хто шов» (Достоево Ивановского р-на), здесь днём, когда посещали кладбище, был пасхальный четверг: «На Вэлыкдэнь на моглыца мы ходым у чэтвэр. У нас Радовницы нэма, Намськы Вэлыкдэнь у нас у чэтвэр послэ Вэлыкодня».

Четверг на троицкой неделе (параллельно с наименованием Навска Трійца и обозначением поминального дня) мог считаться и «сухим» днём: «Сухы чэтвэр на Навску Труйцу. Идуть на кладбишча до покойников», при этом действовал запрет на работу, нарушение которого грозило засухой («Нэ можна робыты, а то высохнэ. Трэба було посвятковаты за своих родителей, шо умэрлы» (Чухово Пинского р-на). На северо-востоке Пинского Полесья четверг не отмечается как «сухой» день, здесь «Чэтвэр – Навска Труйца», но вся неделя называется

«сухой»: «Увэсь гэтой труйцовый тыждень до пятныцы сухы. Старые люды нэ робылы на поли ныц до пятныцы. Понэдилок и авторок – празник тры дни. А вжэ сэрэда и чэтвэр – градовая сэрэда и навскы чэтвэр» (Доброславка Пинского р-на).

Результаты проведённого исследования показывают, что почитание предков в архаической обрядности славян представлено более полно, чем это отражено в современной научной литературе.

¹ Ковалёва Р. Белорусские кустовые песни. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Минск, 1976; Китова С. Традиционная и современная поэзия весенне-летних обрядов Волынского Полесья. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – К., 1976.

² Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. – Л., 1963. – С. 96.

³ Толстой Н. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М, 1995. – С. 89.

⁴ Клименко І. Наспів «весни-трійці» на Пінському Поліссі // Родовід. – 1995. – № 11. – С. 88–97.

⁵ Шарая В. Вясенне-летні цыкл абрадавай паэзіі Піншчыны (узроўні прасторава-часавых адносін). – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Минск, 1995; Шарая В. Семантыка абраду «ваджэнне Куста» // Весці АН Беларусі. – Сер. гуманітарных навук. – 1996. – № 4. – С. 69–76; Шарая В. М. Мастацкі свет куставых песень // Весці НАН Беларусі. – Сер. гуманітарных навук. – 1998. – № 3. – С. 81–86.